

АЛЕКСАНДР ФОМИН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

Экономический кризис, охвативший планету в последние несколько лет, в очередной раз продемонстрировал, каких бед может натворить «невидимая рука» рынка, если будет оставлена без присмотра. Очевидная уязвимость национальных экономик перед лицом подобных глобальных катаклизмов снова поднимает проблему минимизации их негативных последствий для каждого государства. Неустойчивость мировой финансовой системы является экономической угрозой для каждой страны, которая придает новую актуальность понятию «экономическая безопасность».

1

Первоначально под «безопасностью» понималась лишь физическая защищенность территории государства от внешнего вооруженного вторжения. Однако уже в XVIII веке в передовых странах Европы (прежде всего – в Англии) стало крепнуть понимание, что безопасность государства неотделима от его экономического благополучия, в первую очередь – от торговли. Воплощением этого понимания была теория и практика меркантилизма. Тогда же была установлена прямая зависимость чисто военной безопасности от уровня экономического развития страны. Еще Адам Смит указывал, что изобретение огнестрельного оружия дало преимущество «цивилизованным» (развитым) народам перед «варварскими». Содержание каче-

ственной артиллерии могли позволить себе лишь экономически успешные страны.

В XIX веке экономическое измерение международных отношений было связано главным образом с дилеммой «протекционизм – свободная торговля». Защитники высоких таможенных барьеров (например, немецкий экономист Фридрих Лист) часто апеллировали к патриотическим чувствам и трактовали наплыв дешевых иностранных товаров, подавляющих местную промышленность, как своего рода экономическую агрессию. Протекционизм, таким образом, превращался в элемент национальной безопасности. Британия, долгое время обладавшая промышленной монополией, была наиболее последовательным защитником принципов фритрейдерства, но и там к концу XIX века наплыв дешевых и качественных товаров с маркой «сделано в Германии» стал восприниматься в качестве одной из угроз благополучию. Кроме того, почти полная зависимость Соединенного Королевства от привозного продовольствия многими рассматривалась как «ахиллесова пята» «владычицы морей», что придало особую остроту англо-германскому морскому соперничеству, развернувшемуся на рубеже XIX – XX веков и ставшему одной из причин Первой мировой войны. Однако в тот период экономическое осмысление международных отношений не отличалось теоретической глубиной. Дело не шло дальше не-

обходимости защиты «имперских коммуникаций» и признания возрастающей экономической взаимозависимости разных стран и регионов. Так, уже в 1915 году, задолго до появления слова «глобализация», в одном из исследований было заявлено, что «мир уже стал единым экономическим целым».

Словосочетание «экономическая безопасность» стало входить в употребление только в годы «великой депрессии». В 1934 г. по указу президента США Ф.Д. Рузвельта был создан Федеральный комитет по экономической безопасности и Консультативный совет при нем. Однако это не означало выделения «экономической безопасности» в особую концепцию. Созданный Рузвельтом комитет занимался «экономической безопасностью» отдельных лиц (individuals)¹ – в первую очередь борьбой с безработицей. Не случайно главой комитета стал министр труда. Следует сказать, что понятие «economic security» в англоязычных странах до сих пор используется преимущественно в этом первоначальном смысле как защищенность частных лиц и домохозяйств от резкого ухудшения финансового положения.

В масштабах государства принято говорить, скорее, об экономических аспектах национальной или международной безопасности. В годы «холодной войны» речь шла в первую очередь об экономическом обеспечении глобального противостояния сверхдержав, в особенности об экономических аспектах гонки вооружений. Понятие «безопасность» при этом по умолчанию трактовалось как нечто, требующее участия силовых органов (вооруженных сил, разведки, спецслужб).

Исследования в этой области оживились после краха биполярного мира, когда экономическая составляющая национальной мощи наконец стала приобретать самостоятельное значение. Интерес к «национальной экономической безопасности» пробудился как на Западе, так и в России, причем эти исследования развивались «параллельными курсами», слабо

соприкасаясь между собой. Наиболее фундаментальное различие между отечественной и западной «школами» экономической безопасности состоит том, что западные ученые более узко и конкретно понимают сам термин «безопасность» государства, видя в нем прежде всего защищенность от «внешних» угроз, особенно от злонамеренных действий каких-либо противников или соперников.

В контексте биполярного противостояния сверхдержав главная «теоретическая» проблема с точки зрения «экономических аспектов безопасности» состояла в поиске оптимального соотношения между, с одной стороны, объемами и структурой расходов на оборону и, с другой – экономической эффективностью и конкурентоспособностью национальной экономики. На закате биполярной эры профессор Дж. Лучиани проанализировал работы своих предшественников на эту тему и выявил несколько ключевых проблем, неизбежно возникавших при попытках найти «общий знаменатель» между национальной обороной и экономикой².

Если в понятие «безопасность» включать только военный аспект, то ее уровень, очевидно, зависит от экономического потенциала страны и уровня доступных ей технологий. Так, доступ к ядерному оружию дает весьма значительный эффект с точки зрения безопасности при сравнительно умеренных затратах. Сторонник такого подхода Д. Фишер утверждал, что «выбор между производством в гражданском и военном секторе таков, что гражданское потребление и национальная безопасность возрастают в одинаковой мере». Иными словами, гонка вооружений сопровождается экономическим ростом³.

Такой вывод появился потому, что данный поход не принимал в расчет чисто гражданские сектора экономики. Между тем очевидно, что экономическая активность в некоторых гражданских отраслях, весьма выгодная сама по себе, может иметь негативное воздействие на военную безопасность. Это создает про-

блему выбора приоритетов: следует ли отвлекать ресурсы от военных отраслей в пользу гражданских ради экономических выгод? Следует ли пренебречь материальным благополучием ради большей физической защищенности? По мнению Лучиани, «существует вечное противоречие между экономической рациональностью и требованиями безопасности»⁴. Политические решения в области безопасности, которые иногда представляются «нерациональными» с чисто военной точки зрения, на самом деле определяются «взаимодействием нескольких субъектов, преследующих гражданские цели, и одного субъекта, преследующего цели безопасности»⁵. При этом точные «выигрыши» и «проигрыши» в области экономики или безопасности от принятия какого-либо решения практически не поддаются количественной оценке: поскольку войны — явление редкое, оценки эффективности оборонных расходов, как правило, сугубо абстрактны.

На практике «экономическое» измерение национальной безопасности теснее всего связано с внешней торговлей: зависимость от импорта тех или иных товаров или видов сырья может восприниматься как признак внешней уязвимости страны. Речь идет, во-первых, о «жизненно важных» товарах: продовольствии, энергии, «стратегическом» сырье, во-вторых, о высокотехнологичной продукции, в-третьих, о вооружениях.

Соображения «безопасности» часто используются для оправдания протекционистской политики в этих областях, которая, однако, может обернуться более высокими денежными затратами: «стратегически важная» отечественная продукция может оказаться дороже импортной. Таким образом, возникает альтернатива между снижением экономических издержек и повышением безопасности в ее традиционном понимании. Поскольку «стратегически важным» может быть объявлен любой товар, логика безопасности, доведенная до абсурда, может превратиться в проповедь автаркии. Разумеется,

до такой крайности никто не доходит, поскольку изолированное государство процветать не может, однако даже отдельные страны НАТО предпочитают вооружать свои армии «отечественным» оружием, хотя чаще всего «отечественное» военное производство в огромной степени зависит от поставок импортных комплектующих.

Сходным образом, наличие в другой стране более развитых технологий часто воспринимается как угроза безопасности, что объясняет озабоченность стран ЕС технологическими успехами США и американскую — успехами Японии. Во многих случаях «жизненно важные» импортные товары (не только военные) можно заменить отечественными, но это требует значительных капитальных вложений, которые могли бы найти лучшее применение.

Одной из наиболее очевидных иллюстраций западного понимания экономической безопасности служит зависимость высокоразвитых стран от импорта сырья, и прежде всего энергоносителей. «Нефтяной шок» 1970-х годов оставил слишком глубокое впечатление. При всей неоспоримой важности этой проблемы у многих исследователей возникает вопрос: а имеет ли она отношение к «безопасности» и возможно ли использование силы для ее решения? Постоянное присутствие военных кораблей НАТО в Персидском заливе указывает на то, что политическое руководство стран Альянса, и прежде всего США, рассматривает проблему именно в этом ключе. Однако многие исследователи и эксперты, на которых ссылается Лучиани, утверждают, что проблема имеет чисто экономический характер и, следовательно, решаться должна экономическими методами — через кооперацию стран — импортеров энергоносителей, диверсификацию поставок и т.д.

Создание «стратегических запасов» также считается одной из мер «несилового» ответа на экономические угрозы. Популярный у теоретиков безопасности термин «экономическая агрессия», по мнению Лучиани, как правило, лишен сколь-

ко-нибудь ясного смысла, поскольку редко можно определить, кто является агрессором. Наиболее тяжелые удары по национальным экономикам наносят внезапные изменения рыночной конъюнктуры, которые не имеют конкретных виновников. В рыночной экономике такие потрясения описываются понятием «риск», который является ее обязательным атрибутом. По мнению Дж. Лучиани, истолкование гражданской экономической деятельности с точки зрения «безопасности» всегда является очень «расплывчатым» и неотличимым от обычного коммерческого риска, если только речь не идет о милитаризации экономических отношений⁶.

Спустя четыре года после краха биполярной модели британский исследователь В. Кейбл показал, что в западной литературе понятие «экономическая безопасность» уже не связывалась так прочно с использованием военной силы, но по-прежнему трактовалась в «конфронтационном» духе. Данный подход, по утверждению Кейбла, был свойствен такому специфическому направлению в теории международных отношений, как «геоэкономика». Его сторонники трактовали международные экономические отношения как «холодную войну», главными антагонистами в которой выступают США, Евросоюз и Япония. Геоэкономика видит в мировых экономических отношениях «игру с нулевой суммой», в которой успех одного обязательно предполагает потери для остальных⁷. Обычно такие подходы скрываются под маской поощрения «конкурентоспособности». По выражению президента США У. Клинтона, «каждая страна как большая корпорация, конкурирующая на мировом рынке». Усилия правительства по поощрению конкурентоспособности своих компаний вполне естественны, когда они не выходят за рамки улучшения условий их работы, развития образования, инфраструктуры и т.п. Однако «геоэкономика» помимо этого предполагает открытый протекционизм с помощью субсидирования экспорта, искусственно заниженных

процентных ставок, односторонних лицензионных ограничений.

Как и Лучиани, Кейбл рассматривал и самый традиционный для Запада аспект экономической безопасности — зависимость от внешних источников технологий, сырья, продовольствия и топлива. Он также пришел к выводу, что за переводом этих проблем в плоскость «безопасности» обычно стоит желание частных лиц и корпораций переложить на правительства свои коммерческие риски⁸. «Зависимость» развитых стран от импортных поставок на деле является взаимозависимостью, то есть нормальной рыночной ситуацией, что прекрасно понимают даже поставщики энергоносителей — Россия и страны ОПЕК⁹. Резкие скачки цен на энергоносители, конечно, возможны, но связаны они могут быть с чисто экономическими причинами (несоответствие спроса и предложения), а не с чьей-либо злой волей. Проблемы, которые можно истолковать в русле концепций «безопасности» (распространение ядерных и других военных технологий, оружия, наркотиков и т.п.), являются общими для всех развитых стран и требуют их согласованных действий, что, однако, немыслимо с точки зрения «геоэкономики», которая рассматривает США, Евросоюз и Японию как экономических «врагов». Лучшим средством обеспечения экономической безопасности Кейбл считает рыночные механизмы и международное сотрудничество, а не дорогостоящее стремление к «самодостаточности».

Американский ученый Дж. Киршнер из Корнельского университета, анализируя теоретические работы по международным отношениям, пришел к выводу, что с окончанием «холодной войны» искусственное разделение предметных полей безопасности и политической экономики должно отойти в прошлое.

Важным аспектом безопасности государства Киршнер считает «национальную жизненную силу» (national vitality) которая трактуется как способность общества целеустремленно решать существующие

проблемы, прежде всего социально-экономические. Исчезновение зримого «образа врага» оставило США «без явного чувства своей цели на международной арене» на фоне нерешаемых внутренних проблем. Это «сокращает экономический рост и, таким образом, будущую силу» страны, что чревато изоляционизмом и, следовательно, опасно для всей международной системы. Таким образом, Кишнер стал одним из немногих западных авторов, которые включили внутренние экономические проблемы в число компонентов национальной безопасности¹⁰.

Традиционное для Запада понимание «экономической безопасности» как безопасности поставок было еще раз подвергнуто критике в работе профессора Д. Лозмена. Он подробно рассмотрел наиболее классический случай «экономической агрессии» — арабское нефтяное эмбарго 1973 года, которое вызвало в американских умах настоящую «нефтяную паранойю». По мнению Лозмена, тяжелейшие последствия для американской экономики были обусловлены не столько самим эмбарго, сколько внутриэкономической ситуацией в США, в особенности длительной практикой искусственного поддержания низких цен на нефть на внутреннем рынке. Экономические проблемы требуют экономических решений, и автор считает большой ошибкой упоминание в американских документах по национальной безопасности возможности применения силы в ответ на экономические угрозы¹¹.

2

В официальных документах США выражение «экономическая безопасность» применительно к государству в целом (в отличие от частных лиц и домохозяйств) практически не употребляется. Но те или иные экономические вопросы регулярно рассматриваются с точки зрения безопасности. Наиболее важным документальным источником в этом смысле является периодически обновляемая Стратегия национальной безопасности США. Во всех ее последних редакциях

выделяются три главные цели внутренней и внешней политики США: укрепление военной безопасности, экономическое процветание, содействие демократии в других странах.

В последней стратегии администрации Дж. Буша (2006)¹² был очевиден явный перекос в сторону «содействия демократии в странах мира», что должно было способствовать и безопасности самих США. Экономическое процветание Америки связывалось с «новой эрой глобального экономического роста через свободные рынки и свободную торговлю». Выделялось три его главных условия: открытость внешних рынков, «энергетическая независимость», стабильность мировой финансовой системы¹³. Высокопарная риторика «стратегии» таким образом, прикрывала традиционную для развитых стран потребность в рынках сбыта и источниках сырья, а доктрина «свободной торговли» в американском выражении была прямой наследницей старого требования «открытых дверей», впервые прозвучавшего еще в начале XX века. Главными «вызовами» в экономической сфере объявлялись протекционизм, недостаточная «открытость» и «неэффективное управление» в некоторых странах, зависимость многих стран от иностранной нефти, которая часто импортируется из «нестабильных частей мира», ограничения свободного движения капитала, которые накладывают «некоторые правительства»¹⁴. Открытость рынков напрямую увязывалась с распространением демократии. В этом смысле показательны содержащиеся в «стратегии» упреки в адрес экономической политики Китая в стремлении «управлять рынками, вместо того, чтобы открывать их» и в поддержке «богатых ресурсами стран, невзирая на «плохое управление (misrule) дома и плохое поведение (misbehavior) за границей» правящих там режимов¹⁵.

В «Стратегии национальной безопасности» администрации Б. Обамы (2010)¹⁶ акценты расставлены по-иному. Поддержка демократии за рубежом занимает в документе намного более скромное мес-

то, но при этом гораздо больше говорится о «международном порядке» и «верховенстве закона» (rule of law). Это придает американским внешнеполитическим целям несколько менее субъективную окраску.

Красной нитью через весь документ проходит идея о необходимости сотрудничества США с зарубежными партнерами, о чем в предыдущей «стратегии» упоминалось лишь мельком. В экономических вопросах центральная идея документа — преодоление кризиса. При этом большое внимание уделяется внутренним факторам — стабильности финансовой системы, сдерживанию роста государственной задолженности. *Кризис заставил американскую администрацию рассматривать внутриэкономические проблемы с позиции безопасности, что ранее для нее было не характерно.* Во внешнеэкономических делах несколько сглажено повторяются, в общем, старые тезисы — борьба с протекционизмом во имя «свободной и справедливой торговли». При этом подчеркивается необходимость «предотвращения циклов взлетов и падений»¹⁷, для чего предлагается развивать внутренний спрос в других странах. В самих США будет поддерживаться «открытый инвестиционный климат, совместимый с целями нашей национальной безопасности»¹⁸, которые в данном случае не раскрываются.

Иными словами, опасения ряда теоретиков, что чрезмерная обеспокоенность «экономической безопасностью» приведет США к протекционизму, не оправдались. Понятие «протекционизм» имеет во всех изданиях американской «стратегии» резко отрицательную коннотацию. Однако на практике экономическая политика Соединенных Штатов часто имеет выраженные черты если не «протекционизма», то во всяком случае «экономического национализма» (еще один популярный в американском лексиконе ярлык для характеристики политики других правительств). При этом «запретительные» меры в экономике напрямую увязываются с национальной безопасностью США. Речь идет об ограничении иностранных инвес-

тиций в «стратегически важные» отрасли американской экономики.

Еще в 1975 г. указом президента Дж. Форда был учрежден межведомственный Комитет по иностранным инвестициям в Соединенных Штатах (CFIUS), который должен был отслеживать экономическую активность иностранных компаний в США и докладывать о ней президенту. Долгое время комитет существовал в безвестности, собирался нерегулярно и не имел практически никакого влияния. Ситуация резко изменилась в 1988 году, когда Конгресс принял «положение Эксона-Флорио», согласно которому президент получал полномочия запрещать любую сделку по слияниям или поглощениям американских компаний, если она представлялась ему угрожающей «национальной безопасности». CFIUS при этом становился совещательным органом, готовившим для президента соответствующие материалы. В качестве «стратегически важных» отраслей рассматривалось судостроение, авиастроение, банковское дело, добыча полезных ископаемых и энергетика. Четкого определения «национальной безопасности» «положение Эксона-Флорио» не содержало.

Новый импульс ограничительным мерам придали теракты 11 сентября 2001 года. Уже в октябре того же года был принят закон с остроумным названием — «USA PATRIOT» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism), в котором особое внимание уделялось охране «критически важной инфраструктуры», под которой понимались любые «системы и объекты, физические и виртуальные», повреждение или разрушение которых может иметь «ослабляющий эффект» на безопасность американского общества и государства, включая экономическую. В это понятие теперь входили также телекоммуникации, транспорт, водоснабжение и «инфраструктурные предприятия».

Спустя год забота о «критически важной инфраструктуре» была поручена

вновь созданному Департаменту внутренней безопасности (Department of Homeland Security – DHS). Это ведомство определило 18 «секторов» которые воспринимались как «критически важные» с точки зрения безопасности. Они охватывали практически всю экономику и социальную сферу от сельского хозяйства до ядерных реакторов и, кроме того, даже «национальные монументы и символы». Первоочередная задача Департамента состояла, разумеется, в защите этой «инфраструктуры» от прямой террористической атаки. Однако порожденная «синдромом 9/11» логика страха развивалась дальше. Угрозой представлялись не только повреждение или разрушение «инфраструктуры», но и переход любой ее части в иностранные руки. В июне 2007 г. был принят Закон об иностранных инвестициях и национальной безопасности, который отводил еще большую роль CFIUS, включив в поле его зрения все «критически важные сектора». Особое внимание теперь требовалось уделять инвестиционной деятельности компаний и фондов, подконтрольных иностранным правительствам.

Таким образом, отношение американских законодателей к иностранным инвестициям за короткий срок претерпело значительную эволюцию. То, что раньше виделось исключительно с точки зрения экономической выгоды и международного сотрудничества, на рубеже столетий стало рассматриваться в категориях безопасности. Приток иностранных капиталов в национальную экономику единственной сверхдержавы обнаружил не только положительную, но и отрицательную сторону, а в отношении иностранных компаний с правительственным участием вообще отменялась «презумпция невиновности». Сразу появились возражения, что такой подход может отпугнуть иностранных инвесторов и даже вызвать аналогичные «защитные» меры в других странах. Интересы «национальной безопасности» оказались в прямом противоречии со столь любезной американскому

сердцу доктриной «свободных рынков»¹⁹. Системы контроля над иностранными инвестициями, подобные американской, существуют в большинстве развитых стран, за исключением Британии, Канады и Нидерландов.

З

В странах, не претендующих на роль мирового лидера, экономическое изменение понятия «безопасность» имеет собственную специфику. Одной из первых о национальной экономической безопасности заговорила Япония. В 1982 г. министерство внешней торговли и промышленности страны подготовило специальный доклад на эту тему. «Экономическая безопасность» в нем определяется как «состояние экономики, при котором она защищена, прежде всего экономическими средствами, от серьезных угроз ее безопасности, возникающих под воздействием международных факторов»²⁰. Таковыми факторами объявлялись обеспеченность энергетическими и минеральными ресурсами, продуктами питания, безопасность морского транспорта. Иными словами, японская концепция следовала в традиционном русле «безопасности поставок». В Японии, как и в США, безопасность рассматривается только с точки зрения внешних угроз. Обращает на себя внимание акцент на «экономических средствах» обеспечения безопасности. Япония, в отличие от США, не располагает значительным военным потенциалом, который можно было бы использовать в экономической сфере.

В развитых странах все большее внимание уделяется информационному аспекту экономической безопасности. Так, Канадская служба безопасности и разведки в 2004 г. выпустила справку, где объявила одной из главных угроз экономической безопасности страны «экономический шпионаж»²¹, который часто напрямую организуется неназванными иностранными правительствами. Сходного мнения придерживались комиссия Национального собрания Франции по финансам, эконо-

мике и планированию, когда готовила специальный доклад по «стратегии национальной экономической безопасности», представленный депутатом Б. Карайоном в июне того же 2004 года. Доклад написан в ярко выраженном «геоэкономическом духе». В центре внимания — защита коммерческой и технической информации французских компаний, которая рассматривается как один из главных элементов экономической безопасности Франции в эпоху «информационного общества». По мнению автора, «обострение международной конкуренции превращает стратегическую информацию компаний в цель настоящей “экономической войны”». Основное содержание доклада представляет собой описание различных угроз и предложения по французской стратегии в этой «войне».

Главным «противником» были представлены Соединенные Штаты Америки, и они же — как образец для подражания в обеспечении «экономической безопасности». Доклад предлагает усовершенствовать законы о защите коммерческой тайны (в том числе во время международных судебных процессов по гражданским и коммерческим делам), усилить контроль над иностранными инвестициями в стратегических отраслях (по американскому примеру), улучшить безопасность информационных систем. Также предлагалось создать «совет экономической безопасности» при президенте республики и особый орган («комиссариат») при нем, который бы направлял развитие информационных технологий, а также средств связи и безопасности. Подчеркивалась необходимость создания «промышленной платформы технологий экономической разведки». Важность сотрудничества государства и частного бизнеса в деле обеспечения «экономической безопасности» не вызывает у автора ни малейшего сомнения.

В документе приводятся многочисленные примеры недружественных действий США, стремящихся к полному мировому доминированию, по отношению к фран-

цузским компаниям и указывается на необходимость объединенных усилий ЕС для противодействия экономическим угрозам из-за океана. Страны Евросоюза должны «совместно взять в свои руки свою глобальную безопасность независимо от американцев и освободиться от зависимости в технологиях и стандартах, которая мешает их общей судьбе. Эта стратегия не должна быть направлена против Соединенных Штатов. Она нацелена на то, чтобы укрепить силу «объединенной Европы» в многополярном мире, где новые державы, в особенности азиатские, будут играть возрастающую экономическую и политическую роль»²².

Важнейшей из «новых азиатских держав» современного мира является *Китай*. В последние годы эта страна превращается в значимый фактор не только в региональном, но и в мировом масштабе. Тем не менее на международной арене КНР позиционирует себя как «развивающуюся» страну. Специфика китайской экономики (рынок в социалистическом обличье), уникальное место страны в мировых хозяйственных связях придают особый «колорит» общим для всего мира экономическим вопросам в китайском восприятии. Это относится и к проблеме экономической безопасности, которая для КНР весьма актуальна.

В основе китайской трактовки экономической безопасности лежит «экономический суверенитет», в особенности независимость в принятии решений. Однако у современной КНР, по мнению китайских авторов, «нет поводов для оптимизма». Экономический суверенитет находится под давлением «мощных групп интересов, в особенности зарубежных». Обеспеченность Китая ресурсами «на душу населения» также значительно ниже мировых показателей. Промышленность находится в зависимости от иностранного финансового капитала, который «выжимает ее прибыли». Многие китайские предприятия должны «покоряться» транснациональным корпорациям и становиться лишь «элементом в их производственной

цепи». Таким образом, наиболее важные угрозы автор видит именно в области экономического суверенитета²³.

Китайский ученый Джанг Ёнг дал краткое определение «экономической безопасности»: «Для развивающихся стран, таких как Китай, экономическая безопасность лучше всего определяется как способность обеспечивать постепенный рост жизненных стандартов всего населения через национальное экономическое развитие при сохранении экономической независимости. Иными словами, у экономической безопасности есть две стороны «медали»: конкурентоспособность и независимый экономический суверенитет». Из этих двух «сторон» автора больше волнует вторая. Почти все свое исследование он посвятил отрицательным последствиям засилья иностранного капитала в китайской экономике²⁴.

Как видно, в зарубежной науке отсутствует единое понимание экономической безопасности или экономических аспектов национальной безопасности. Основной целью государства в этой области обычно выступает стабильный экономический рост. Чаше всего в качестве наиболее важных элементов фигурируют такие понятия, как безопасность поставок наиболее важных ресурсов, открытость внешних рынков, национальный контроль над «стратегическими отраслями», защищенность коммерческой и технической информации, конкурентоспособность на мировом рынке и «экономический суверенитет», понимаемый как независимость в принятии решений. Все эти элементы нацелены на защиту экономики от внешних угроз. Внутренние проблемы как факторы безопасности, как правило, не рассматривались вплоть до самого недавнего времени — глобальный кризис внес свои коррективы. Следует отметить, что между «открытостью рынков» и «экономическим суверенитетом» существует определенное противоречие. Не удивительно, что первая концепция наиболее популярна в самой развитой стране мира — США, а вторая — в КНР.

4

Российская наука может похвастаться, пожалуй, наиболее глубокой разработкой проблем экономической безопасности. Вряд ли найдется другая такая тема на стыке политики и экономики, на которую было бы потрачено столько интеллектуальных усилий. При этом российские концепции экономической безопасности за редким исключением развивались абсолютно независимо от западных.

Первые публикации на эту тему появились еще в начале 1990-х годов. В 1994 г. Институт экономики РАН под руководством академика Л. Абалкина начал всестороннюю разработку этой темы, результаты которой нашли свое отражение в том же году на страницах декабрьского номера журнала «Вопросы экономики». Этот «интеллектуальный штурм» был принят по очевидному согласованию с властями, поскольку уже в начале 1995 г. Совет Безопасности России принял «Основные положения государственной стратегии в области обеспечения экономической безопасности»²⁵. В следующем году указом президента была официально утверждена Концепция экономической безопасности России», формально остающаяся в силе до сих пор.

Экономической безопасности России посвящено необозримое количество статей, насколько монографий, учебников и даже специальная Энциклопедия. В нашу задачу не входит подробный разбор многочисленных нюансов в концепциях разных авторов, тем более что эту работу уже с успехом проделали другие исследователи²⁶. Отметим лишь наиболее важные моменты.

Если в зарубежной литературе под экономической угрозой государству обычно подразумевались чьи-либо злонамеренные действия, то российские исследователи не испытывали потребности в таком «образе врага». В середине 1990-х годов российская экономика находилась в глубочайшем кризисе, винить в котором можно было либо собственное правительство, либо вообще никого. Поэтому в

понятии «экономическая безопасность» в России изначально выделялись внутренний и внешний аспекты, причем внутреннему отдавалось безусловное предпочтение. Российские теории экономической безопасности 1990-х годов можно рассматривать как призыв со стороны ученого сообщества к руководству страны остановить опасные тенденции и принять срочные меры по спасению страны. Текущий момент ученые рассматривали как своего рода «точку бифуркации» в истории России. В этом смысле характерны слова Л. Абалкина из передовой статьи того самого 12-го номера «Вопросов экономики» за 1994 год: «Ближайшие 2–3 года станут, по-видимому, критическими для России и ее будущего. Либо разрушительные процессы окажутся необратимыми и уготовят ей роль второразрядной страны с сырьевой направленностью экономики, своеобразной провинции высокоразвитых стран, либо она сможет, хотя с огромным трудом и не в один миг, остановить эти процессы, добиться перелома негативных тенденций, возродить былое величие и славу. Будущее не предопределено фатально и однозначно. Оба сценария развития событий являются сегодня равновозможными. Но только сегодня. Долго такое состояние продолжаться не может. Если негативные процессы (разрушение научно-технического потенциала, деиндустриализация экономики, вытеснение отечественных производителей с мирового и внутреннего рынков и др.) станут необратимыми, то возможность оптимистического сценария возрождения России будет утрачена и, по-видимому, навсегда»²⁷.

При столь широком подходе к проблеме оказалось не так просто дать определение экономической безопасности. Почти каждый автор предлагал свой вариант. Л.Абалкин предложил такой: «экономическая безопасность – это совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и само-

совершенствованию»²⁸. В выработанных по итогам дискуссии «Основных положениях...» предлагался другой вариант: «возможность и готовность экономики обеспечить достойные условия жизни развития личности, социально-экономическую и военно-политическую стабильность общества и государства, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз»²⁹. Один из самых авторитетных специалистов в данном вопросе вице-президент РАЕН, профессор В.К. Сенчагов определил экономическую безопасность как «такое состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, социально направленное развитие страны в целом, достаточный оборонный потенциал». Интересы государства в сфере экономики включают, по его мнению, долгосрочный и устойчивый экономический рост, повышение конкурентоспособности экономики, рост благосостояния граждан³⁰.

А.И. Илларионов предложил, пожалуй, самый либеральный вариант определения: «такое сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает в долгосрочной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом»³¹. С.А. Афонцев попытался классифицировать все многочисленные определения «экономической безопасности» и пришел к выводу, что можно выделить три подхода: через «устойчивость» (экономики), через «интересы» (государственные, общественные) и через «независимость (от отрицательных внешних воздействий), причем третий подход никогда не выступает в чистом виде, а сочетается с одним из двух первых»³². Сам С.А. Афонцев предпочитает первый подход и определяет экономическую безопасность как «устойчивость национальной экономической системы к эндогенным и экзогенным шокам экономического и политического происхождения, проявляющуюся в ее способности нейт-

рализовать потенциальные источники шоков и минимизировать ущерб, связанный с реально происшедшими шоками».

Важной особенностью российских концепций экономической безопасности являются понятия ее «критериев» (показателей) и их «пороговых значений». В качестве критериев обычно фигурируют уровни ВВП, инфляции, социального расслоения, безработицы, государственного долга. Эти критерии призваны наиболее наглядно демонстрировать состояние экономической безопасности страны. «Пороговые значения» в цифрах показывают ту критическую черту, которая отделяет «безопасное» состояние от небезопасного. По данным В. Сенчагова, Россия даже в относительно благополучном 2005 году находилась по большинству показателей за «критической чертой». Исключения составляли: сбор зерна, объем золотовалютных резервов, государственный долг, уровень инфляции, дефицит бюджета³³.

Однако «списки» критериев у разных авторов весьма далеки друг от друга, не говоря уже о пороговых значениях. Обычно остаются неясными принципы отбора тех или иных критериев и методика вычисления пороговых значений. В сочетании с множественностью определений самой «экономической безопасности» это делает всю концепцию субъективной и уязвимой для критики. Некоторые исследователи вообще отказывают ей в статусе научности.

После появления официальной Концепции экономической безопасности 1996 года, ставшей результатом дискуссий в научных кругах, закономерно было ожидать разработки официально закрепленных «пороговых значений» разных показателей. Наличие таких норм должно было само по себе оказывать влияние на принятие решений. Однако сказалась традиционная российская волокита. Согласно постановлению правительства РФ № 1569 от 12 декабря 1996 года, принятому одновременно с утверждением Концепции, выделялись 11 критериев эконо-

мической безопасности. Определение пороговых значений каждого из них возлагалось на те или иные министерства и ведомства (от 1 до 8 на каждый критерий). Всего в этой работе должны были участвовать как минимум 22 государственных органа и еще неназванное число «заинтересованных» сторон. Не удивительно, что при таком распылении ответственности эти пороговые значения так и не были разработаны. Кроме того, многие критерии из «официального» списка просто не могли иметь количественного выражения (например п. 11 — «обеспечение необходимого уровня государственного регулирования экономических процессов с целью формирования условий для нормального функционирования рыночной экономики»).

Дискуссия об экономической безопасности вернулась в академическую среду, со временем приобретая все более схоластический характер. По словам С.А. Афонцева, «понятие безопасности стало применяться практически ко всем отраслям, переживающим кризис, и чем глубже кризис (и сильнее отраслевое лобби), тем громче звучит голос сторонников соответствующей доктрины». Единственная причина этого в том, что «употребление термина «безопасность» придает обсуждаемой проблеме оттенок приоритетности и рассматривается как важный плюс в полемической и политической борьбе»³⁴. Предметная область теории все больше размывалась. Если западный подход к экономической стороне национальной безопасности предполагает отражение угроз со стороны неких враждебных субъектов (чаще всего внешних), то российское «расширительное» толкование неизбежно вело к борьбе с «ветряными мельницами». Интересно, что последнее заседание Совета Безопасности России, посвященное «экономическим аспектам национальной безопасности» состоялось в 2003 году.

Такой разрыв между теорией и практикой вовсе не означает, что российская власть не имеет своих представлений о безопасности национальной экономики.

Эти представления, безусловно, существуют, но реализуются в конкретных действиях. С приходом к власти В.В. Путина (1999–2000) государство начало постепенно возвращать себе «командные высоты» в национальной экономике, «узурпированные» ранее верхушкой крупного бизнеса, в особенности финансового и сырьевого. Знаменитый тезис второго президента России о «равноудаленности» всех бизнес-структур от власти был не чем иным, как заявкой на укрепление «экономического суверенитета» центральной власти. Очень быстро стремление государства к независимости от частного бизнеса переросло в стремление к контролю над ним. Попытки отдельных «олигархов» сопротивляться этой тенденции, как известно, натолкнулись на жесткий отпор.

В том же направлении действовала российская власть и в отношении с внешними партнерами. Перспектива иностранного контроля над национальной экономикой и над ее важнейшими отраслями представлялась особенно пугающей. Инструментами такого контроля могли быть международные финансовые институты (через механизмы внешнего долга) и иностранные сырьевые компании (через контроль над недрами). Воспользовавшись благоприятной рыночной конъюнктурой (высокие цены на энергоносители), государство активно взялось за ликвидацию этих угроз своему «экономическому суверенитету». К концу 2004 г. был в основном досрочно погашен внешний долг страны, что лишило Международный валютный фонд и другие «внешние» финансовые институты возможности влиять на принятие экономических и политических решений в России. Для того чтобы не допустить возврата ситуации «на круги своя» при изменении конъюнктуры, началось формирование («на черный день») Стабилизационного фонда. Под разными предлогами начался систематический пересмотр условий деятельности иностранных сырьевых компаний, в результате чего подконтрольные госу-

дарству структуры (Газпром, Роснефть) получили преобладающее влияние в большей части проектов. В большинстве случаев произошел отказ от практики «Соглашений о разделе продукции», которые не без оснований трактовались как «полуколониальные». Россия отказалась ратифицировать договор к «Европейской энергетической хартии», усмотрев в ней покушение на свой суверенитет. Наконец, принятый в 2008 г. закон об иностранных инвестициях вопреки мощному давлению иностранного бизнеса резко ограничил его доступ к «стратегически важным» отраслям национальной экономики, включая разработку недр. Все это дало повод для многочисленных упреков в адрес России в «экономическом национализме», на что всегда следовал резонный ответ, что российские компании часто подвергаются схожим ограничениям на зарубежных рынках³⁵.

Исключительное внимание к «экономическому суверенитету» характерно для такой «развивающейся» страны, как КНР, хотя оно не чуждо и западным представлениям. В целом, уделяя повышенное внимание «внешним» угрозам экономической безопасности, властей предрешающие в нашей стране в идейном плане оказываются ближе к западным аналитикам, чем к отечественным, которые, как уже говорилось, чаще всего подчеркивают «внутренние» факторы. К тому же решение внутренних экономических проблем (относятся ли они к категории «безопасности», или нет) требует долгой и рутинной работы, в отличие от противодействия внешним силам, для которого иногда достаточно нескольких эффективных волевых решений. Не удивительно поэтому, что по таким показателям, как «расходы на гражданскую науку», «отношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума», «доля инновационной продукции», соотношение доходов 10 % наиболее и наименее обеспеченного населения» Россия даже в «благополучные» годы была далеко за пределами любых мыслимых «пороговых значений»³⁶.

Вступление Д.А. Медведева в должность президента России и одновременный переход В.В. Путина на должность премьер-министра всего на несколько месяцев опередило втягивание нашей страны в водоворот мирового финансового кризиса. Таким образом, «новой-старой» власти приходится одновременно решать неотложные задачи по преодолению кризиса и ставить более «перспективные» цели по посткризисному развитию страны. Характерно, что в антикризисной программе правительства выражение «экономическая безопасность» не употреблялось. В ней, однако, выделялись три чисто «внутренние» причины, которые сделали экономический удар особенно тяжелым для России: очень высокая зависимость от экспорта природных ресурсов, недостаточная конкурентоспособность несырьевых секторов экономики и недостаточная развитость финансового сектора, которая вынуждала российские предприятия брать кредиты за рубежом. Все эти причины, в общем, сводятся к неудовлетворительному участию России в мировом разделении труда, которое и представляется руководством страны главной угрозой ее экономическому благополучию. Отметим попутно любопытный факт: на Западе одной из главных экономических угроз считается зависимость от *импорта* природных ресурсов, а у нас — от их *экспорта*. Получается, что торговля этими ресурсами несет опасность для обеих сторон. Неудивительно поэтому, что в антикризисной программе постоянно подчеркивается необходимость модернизации экономики и ослабления ее зависимости от внешней конъюнктуры, указывается, что «основой посткризисного восстановления и последующего поступательного развития должна стать внутренний спрос»³⁷.

Мысль о том, что главная угроза экономике страны — ее сырьевая ориентация, а главный путь спасения — перевод экономики на инновационный путь развития, звучит в новой Стратегии национальной безопасности России, утвержденной указом президента 12 мая 2009 года. Слово

«инновационный» повторяется в ее тексте 11 раз. Только это сможет сделать экономике более «конкурентоспособной» (употреблено 7 раз).

Четвертый раздел Стратегии посвящен «экономическому росту». В нем ставится амбициозная задача «вхождения России в среднесрочной перспективе в число пяти стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта, а также достижения необходимого уровня национальной безопасности в экономической и технологической сферах». В числе главных угроз в экономической сфере, помимо уже названных, фигурируют: «потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая трудонедостаточность, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции». Как видим, только одна из них («потеря контроля над ресурсами») имеет «внешний» характер. Ко всем перечисленным угрозам предлагаются соответствующие меры противодействия со стороны государства. В частности, «укреплению экономической безопасности будет способствовать совершенствование государственного регулирования экономического роста», в том числе через «проведение активной государственной антиинфляционной, валютной, курсовой, денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики, ориентированной на импортозамещение и поддержку реального сектора экономики». Какие конкретно меры тут имеются в виду, не вполне понятно, но упоминание «импортозамещения» как одной из целей государственной политики вполне может быть истолковано как провозглашение протекционизма, что придает Стратегии несколько архаичный оттенок. Практические шаги в этом направлении могут быть негативно истолкованы зарубежными партнерами и повлечь ответные меры.

Те же мысли о главных угрозах российской экономике содержатся в статье Д.А. Медведева «Россия, вперед!», опубликованной 10 сентября 2009 года, но выражены они значительно более эмоционально: «Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унизительной сырьевой зависимости. Наша теперешняя экономика переняла у советской самый тяжёлый порок — она в значительной степени игнорирует потребности человека. Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создаёт нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, — сырьём либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведённые в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью». В этих словах звучит прямое обвинение большей части российского бизнеса в паразитическом существовании. Та же идея еще ярче выражена в конце статьи: «Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимających “предпринимателей”. Они хорошо устроились. У них “всё есть”. Их всё устраивает. Они собираются до окончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его»³⁸.

Нетрудно догадаться, что под паразитическими «предпринимателями, которые ничего не предпринимают» глава государства подразумевает в первую очередь тех, кто извлекает прибыли из «сырьевой зависимости» нашей страны, получая «природную ренту». Власть в большинстве случаев всё же не оспаривает их права собственности, приобретенные в ходе приватизации, но «в глубине души» не считает эти права законными, а их деятельность рассматривает как бесполезную или, возможно, даже вредную для благополучия и безопасности страны. Д.А. Медведев явно унаследовал такой подход от своего предшественника. На

наш взгляд, именно это объясняет многие затруднения, которые в последние годы возникали у крупного бизнеса в отношениях с властью.

* * *

Понятие «экономическая безопасность государства» не существует вне пространства и времени. Оно всегда является «превращенной формой» распространенных представлений об угрозах благополучию страны со стороны каких-либо экономических факторов, которые, в свою очередь, отражают положение этой страны в мировом разделении труда. В России тяжелая экономическая ситуация 1990-х годов стимулировала ученое сообщество к разработке многочисленных концепций экономической безопасности, которая понималась предельно широко. В свою очередь, власти опасались, прежде всего, за свой «экономический суверенитет», за право независимо принимать решения, и после 2000 г. сделали всё, чтобы его не утратить. Экономический кризис показал уязвимость России перед мировыми процессами, которая значительно усиливалась ее зависимостью от конъюнктуры сырьевых цен. Это резко подняло актуальность «инновационной» тематики, которая стала рефреном звучать в официальных выступлениях и документах.

С другой стороны, свое недружелюбное отношение к «непроизводящему» сырьевому и торговому бизнесу власть почти не скрывает. Поддержка, которую некоторые из этих структур получают от государства в период кризиса, объясняется, скорее, опасением социальных последствий их банкротства. События июня 2009 г. в г. Пикалёво Ленинградской области показали, что такая поддержка обусловлена согласием на государственное вмешательство в дела бизнеса, вплоть до «ручного управления» в кризисных ситуациях. Для самой власти «ручное управление» является, безусловно, способом защиты «экономической безопасности» страны в той форме, как оно его понимает.

Резюме

В статье проводится сравнительный анализ теоретических подходов отечественных и зарубежных исследователей к проблемам «экономической безопасности» государства и экономических аспектов «национальной безопасности». Кроме того, исследуется практическое воплощение этих подходов в политике правительств. По мнению автора, экономические вопросы стали неотъемлемой частью представлений о национальной безопасности как в научном сообществе, так и в правительственных кругах самых разных стран мира. В одних странах на первый план выдвигается «безопасность поставок» сырья и энергоносителей, в других – опасность «экономического шпионажа» в третьих упор делается на «экономический суверенитет». Российские власти с начала XXI века руководствовались в своей политике собственными представлениями об экономической безопасности, центральное место в которых занимает экономический суверенитет, понимаемый как верховный контроль государства над главнейшими отраслями экономики (прежде всего – сырьевыми) и снижение зависимости страны от мировых экономических катаклизмов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, экономической национализм, экономической суверенитет, геоэкономика, протекционизм, свободная торговля.

Abstract

The article presents a comparative analysis of theoretical approaches of Russian and foreign researchers to the problems of «state economic security» and economic aspects of «national security». The author also explores the practical implementation of these approaches in government policies. Economic issues have become an integral part of the concept of national security in the academic community as well as in government circles around the world. In some countries the «security of supply» of raw materials is brought to the forefront, in others – the danger of «economic espionage» in the third group much attention is concentrated on «economic sovereignty». The Russian authorities since the beginning of the XXI century were guided in their policy by their own ideas on economic security, centered on economic sovereignty, which is understood as the supreme state control over major sectors of the economy (first of all – raw materials) and lower dependence on world economic instability.

Keywords: economic security, economic nationalism, economic sovereignty, geo-economics, protectionism, free trade.

Примечания

¹ Executive Order Establishing the Committee on Economic Security and the Advisory Council on Economic Security. 29/06/1934. // Social Security in America. Appendix XIII [<http://www.ssa.gov/history/reports/ces/ces-bookapen13.html>].

² Luciani J. The Economic Content of Security. // Journal of Public Policy, Vol. 8 No. 2 (Apr. – Jun., 1988). P. 151–173.

³ Ibid. P. 157 – 159.

⁴ Ibid. P. 161.

⁵ Ibid. P. 162.

⁶ Ibid. P. 171 – 172.

⁷ Cable V. What is International Economic Security? // International Affairs. Vol. 71. No. 2 (Apr. 1995). P. 312.

⁸ Ibid. P. 315.

⁹ Ibid. P. 317.

¹⁰ Kirshner J. Political Economy in Security Studies after the Cold War. // Review of International Political Economy. Vol. 5 No 1. Spring 1998. P. 64 – 91.

¹¹ Losman D. Economic Security. A National Security Folly? // Policy Analysis. No. 409. August 1, 2001. P. 1 – 12.

¹² National Security Strategy of the United States of America. March 2006.

¹³ Ibid. P. 25 – 30.

¹⁴ Ibid. P. 27.

¹⁵ Ibid. P. 41 – 42.

¹⁶ National Security Strategy of the United States of America. May 2010.

¹⁷ Ibid. P. 29.

¹⁸ Ibid. P. 32.

¹⁹ Jackson J.K. Foreign Investment, CFIUS, and Homeland Security: An Overview. Congressional Research Service Report for Congress. April 17, 2008.

- ²⁰ Цит. по Михайленко А. Механизм обеспечения экономической безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. N 7. – С. 120.
- ²¹ Canadian Security Intelligence Service. Backgrounder No. 6 – Economic Security. <http://www.csis.gc.ca/nwsrm/bckgrndrs/bckgrndr06-eng.asp>.
- ²² France, Assemblée Nationale. Rapport d'information sur la stratégie de sécurité économique nationale présenté par M. Bernard Carayon, Député. <http://www.assemblee-nationale.fr/12/rap-info/i1664.asp>
- ²³ Time to revise old ideas of economic security. // Chinaview, 2008. Статья воспроизводится на сайте торгового представительства КНР в Нигерии: <http://nigeria2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/200807/20080705638641.html>
- ²⁴ Jiang Yong. Economic Security: Redressing Imbalance. // China Sacurity, Vol. 3, No 2, pp. 66–85.
- ²⁵ См. Общество и Экономика. № 3, 1995. С. 114 – 128.
- ²⁶ См., например: Афонцев С.А. Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // Мировая экономика и международные отношения, 2002, № 10. С. 30 – 39; Козлова А.В. Экономическая безопасность как явление и понятие // Власть. № 1, 2009. С. 14 – 17; Агадуллин Н.Ф. Национальная экономическая безопасность как категория экономической теории. Диссертация на соискание у. с. канд. экон. наук. Уфа, 2007. С. 38 – 49.
- ²⁷ Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. Декабрь 1994. С. 8.
- ²⁸ Там жею С. 5.
- ²⁹ Общество и Экономика. № 3, 1995. С. 116.
- ³⁰ Сенчагов В.К. Как обеспечить экономическую безопасность России // Российская федерация сегодня. № 6, 2007.
- ³¹ Илларионов А.И. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики, № 10, 1998. С. 49.
- ³² Афонцев С.А. Указ. соч. С. 30.
- ³³ Сенчагов В.К. Указ соч. С.36.
- ³⁴ Афонцев С.А. Указ. соч. С. 32.
- ³⁵ См. подробнее: Фомин А.М. Поведение иностранного бизнеса в стране пребывания. // Международные процессы. Т. 6. № 3 (18) Сентябрь – Декабрь 2008. С. 100 – 104.
- ³⁶ Сенчагов В.К. Указ соч. С.36.
- ³⁷ Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год (<http://www.kreml.org/other/207973731>).
- ³⁸ Медведев Д.А. Россия, вперед! (<http://kremlin.ru/news/5413>).